

Сентября 19 (2 октября)

Священномученик
Никандр (Гривский)

Священномученик Никандр родился 26 июня 1880 года в селе Волчино Псковского уезда Псковской губернии в семье священника Симеона Гривского. В 1901 году Никандр окончил Духовную семинарию и до 1905 года служил псаломщиком. В 1905 году Никандр Семенович женился на Ольге Сергеевне Беляниновой, дочери торопецкого торговца. Впоследствии у них родилось пятеро детей. В 1912 году Никандр Семенович был рукоположен в сан диакона и в том же году во священника ко храму Рождества Христова на погосте Почеп Пожинской волости Торопецкого уезда Псковской губернии, где служил в то время его престарелый отец. Храм был деревянный, построен в 1868 году. Всего в приход входило двадцать восемь деревень, в которых жили около тысячи человек. Отец Никандр стал для своих прихожан истинным пастырем, он поддерживал их не только словом, но и делом, помогая беднейшим из них материально.

В 1916 году отца Никандра постигло несчастье: от дизентерии скончались его жена Ольга, сын и дочь, и он остался с сыновьями, которым было десять и пять лет, и трехлетней дочерью.

*Священник Павел Холмский с детьми
и Никандр Семенович Гривский (стоит)*

29 сентября 1929 года сын священника Никандра Гривского, Петр, будучи в нетрезвом состоянии, похитил индукторную машину, с помощью которой

производились взрывные работы у Подъездной горы по Холмскому тракту в районе деревни Савино в Торопецком районе Тверской области. Было начато уголовное дело. Когда выяснилось, что укравший является сыном священника, ОГПУ стало исследовать, что он собой представляет с политической точки зрения, с кем связан в деревне и не является ли человеком авторитетным для деревенской молодежи и не объединял ли ее. А также – что представляет собой его отец и насколько он авторитетен среди населения. Основной задачей тех, кто занимался политическими репрессиями и кто правил страной, было уничтожение лидеров народа, тех, к чьему голосу народ прислушивался.

Храм Рождества Христова на погосте Почеп

Выяснив, что отец Никандр в селе пользуется большим уважением, ОГПУ 13 января 1930 года арестовало его. Во время обыска у него дома было обнаружено заявление, подписанное несколькими десятками крестьян, которые просили уменьшить собираемый со священника натуральными продуктами налог, так как их они отцу Никандру не давали, а за совершаемые требы расплачивались деньгами. Власти подобное заявление расценили «как характеристику объединения вокруг себя населения и использования его в борьбе против хлебозаготовок».

15 января следователь допросил священника. Отец Никандр, отвечая на вопросы следователя, сказал: «До осени 1929 года я жил хорошо и в материальном отношении ни в чем не нуждался. Нравственно же все время страдал за детей, что им негде устроиться, так как детей священников нигде не принимали. Осенью 1929 года во время хлебозаготовок от меня потребовали сдать 120 пудов хлеба и 350 пудов картофеля. Такого количества я к сроку сдать не мог, и за это описали все мое имущество, которое было продано с торгов, кроме построек. Всего мною было уплачено 46 пудов овса, 9,5 пудов ржи, 7 пудов ячменя, 3,5 пуда льняного семени и 80 пудов картофеля. На то, что наложенное на меня к сдаче количество хлеба и картофеля невыполнимо, я открыто никому не жаловался, но по рекомендации члена церковного совета из деревни Крест сыну Петру сказал, чтобы он написал заявление, а я направлю его по приходу, чтобы собрать подписи от населения в свою защиту, удостоверяющие, что сбор продуктами я не производил, все требы выполнялись за деньги. После того, как заявление было готово и подписи собраны, я хотел подать его в комиссию по хлебозаготовкам, а второй экземпляр послать в Округ, но комиссия заявление не

приняла, и потому оба экземпляра остались у меня. 19 декабря, в день празднования памяти Николая чудотворца, я после службы в церкви обратился ко всем присутствующим и просил помочь, кто чем может, так как мое хозяйство все было продано в уплату налога хлебозаготовок. После этого раздались голоса: “Не беспокойся, батюшка, поможем”. Кто именно говорил, я не уловил. Не знаю, обсуждали ли верующие этот вопрос, но сразу стали приносить, кто постного масла, кто картофеля, печеного хлеба и так далее. Относительно колхоза ко мне обращался только сын Петр, спрашивал, поступить или нет. Я ответил – поступай, и больше ничего».

*Священник Никандр Гривский (в центре),
рядом с ним его отец, священник Симеон, и дочь Елена; (стоят слева направо)
сыновья Владимир, Петр и сестра, Анна Семеновна Гривская*

Вместе со священником был арестован староста церкви Василий Федорович Чупров, который категорически отказался признавать себя виновным, отвергнув все предъявлявшиеся ему «факты». Еще было арестовано трое крестьян.

На следующих допросах отец Никандр показал: «Виновным себя я не признаю. Контрреволюционной группировки вокруг себя не создавал. Не препятствовал мероприятиям, проводимым советской властью. Антисоветской агитации не вел. Подготовку к взрыву государственных учреждений я не производил. Это сын взял на дороге подрывную машину, взял он ее в пьяном виде, а для какой цели, не знаю».

13 февраля 1930 года ОГПУ приняло решение освободить ранее арестованных троих крестьян, «так как они являются середняками, в прошлом никакой собственности и принадлежности к бывшим людям не имели, а также,

принимая во внимание, что их деятельность проводилась под влиянием священника». В тот же день следствие было закончено. Священник Никандр, его сын Петр и староста храма Василий Чупров были обвинены в том, «что организованно противодействовали проводимым мероприятиям советской власти в деревне, и в частности проводимой сплошной коллективизации в Торопецком районе, с той же целью собирались в квартирах священника Гривского и других, где обсуждали планы антисоветских действий. В контрреволюционных целях подготавливали разрушение и повреждение общественных и государственных учреждений, в целях чего участником их антисоветской группы, Петром Гривским, была похищена подрывная машина».

4 марта 1930 года тройка ОГПУ приговорила отца Никандра к десяти годам заключения в концлагере, а его сына Петра и старосту храма Василия Чупрова – к пяти годам заключения. Все они были отправлены в Соловецкий лагерь особого назначения. В 1932 году отцу Никандру, как инвалиду, было заменено заключение в лагере на ссылку до окончания срока. Ссылку он отбывал в городе Каргополе. В 1933 году Василий Чупров был досрочно освобожден, сын священника, Петр, был освобожден по окончании срока заключения.

В 1936 году отец Никандр написал заявление начальнику Каргопольского отдела НКВД с просьбой оказать содействие в досрочном освобождении. «Принимая во внимание тяжесть совершенного Гривским преступления», – как было написано в заключении сотрудников ОГПУ, – священнику отказали в освобождении.

Тюрьма в городе Торопце

20 июля 1938 года руководители управления НКВД по Архангельской области Некрасов, Вольфсон и Шульман санкционировали новый арест священника. 27 июля отец Никандр был арестован и заключен в тюрьму в городе Каргополе. В тот же день он был допрошен.

– Вам предъявлено обвинение. Признаете ли вы себя виновным? – спросил следователь.

– В предъявленном мне обвинении виновным себя не признаю, – ответил священник.

– Расскажите о ваших знакомствах в Каргопольском районе и в других местах.

– В Каргопольском районе имею знакомых по работе из числа ссыльного духовенства. Знаком со ссыльными священниками Николаем Романовичем Чумаевским, Иваном Павловичем Николаевским и Шпаковским. Других знакомых в Каргопольском районе и в других местах не имею.

В ноябре следователь допросил ссыльных священников Николая Черникова, Дмитрия Миловидова и Николая Чумаевского. Николай Черников показал: «При встрече с Гривским осенью 1937 года он стал мне высказывать жалость по отношению к заключенным в лагерях, что они сейчас посылаются независимо от возраста на общие, тяжелые, непосильные работы. В этот же раз Гривский высказал клевету на советскую власть, что советская власть устраивает гонения на верующих и духовенство и это гонение особенно усилилось за последнее время. Советская власть судит и наказывает духовенство без всяких на то оснований и подчас создает вымышленные дела, лишь бы лишить свободы того или иного служителя культа».

Священник Дмитрий Миловидов показал: «Ссыльного священника Никандра Семеновича Гривского я знаю как человека настроенного в отношении советской власти отрицательно и до крайности фанатичного. Мне хорошо известно, что Гривский свою квартиру превратил в молитвенный дом. Зимой 1938 года я зашел на квартиру к Гривскому, который служил церковную службу, и кто-то у него был. Как этого человека фамилия и откуда он, мне неизвестно, только он не из числа ссыльных. Также мне известно, что Гривский высказывал антисоветские настроения относительно колхозов, говоря, что из-за колхозов были закрыты церкви, а их служители высланы. Зимой 1938 года Гривский клеветал на советскую власть, говоря, что люди, находящиеся в колхозах, работают как рабы, досыта их не кормят. Такое положение можно видеть только при советской власти. Зимой 1937 года я встретил Гривского на улице, и он спросил меня, как я живу, и дополнил: "Если нуждаешься в деньгах, иди к Августе и скажи ей, что я тебя послал за денежной помощью". Фамилии ее я не знаю, проживала вместе с ним, сейчас из Каргополя выехала. Я пришел к этой Августе, и она действительно дала мне помощь в сумме двух рублей. Подобная помощь между ссыльными распределялась монахиней Августой по указанию Гривского».

Священник Николай Чумаевский сказал: «Ссыльного священника Никандра Семеновича Гривского знаю давненько. Гривский человек замкнутый, очень осторожный и в отношении советской власти настроен враждебно. В конце декабря 1937 года Гривский высказывал клеветнические измышления о выборах в Верховный Совет и о конституции».

После всех этих показаний отец Никандр был снова допрошен.

– Вы арестованы за контрреволюционную деятельность. Расскажите следствию об этом.

– Контрреволюционной деятельности я не проводил.

– Среди окружающего населения и ссыльных вы вели контрреволюционную агитацию. Расскажите об этом подробно.

– Антисоветской агитации я не вел, и рассказывать мне не о чем.

7 января 1939 года отцу Никандру была устроена очная ставка со свидетелями Черниковым и Чумаевским. «Показания Николая Николаевича Черникова я не подтверждаю, так же как и свидетеля Чумаевского. А что касается

разговора в отношении выборов в Верховный Совет, то такой разговор у нас с Чумаевским был, но не в антисоветской форме», – сказал отец Никандр.

25 июля отца Никандра ознакомили с обвинительным заключением. 3 августа в городе Каргополе состоялось закрытое судебное заседание Судебной Коллегии по уголовным делам в присутствии свидетелей Черникова и Чумаевского, в отсутствие Миловидова, так как к тому времени он уехал в Москву. Зачитав обвинительное заключение, председатель суда спросил отца Никандра, признает ли тот себя виновным, на что священник ответил: «Виновным я себя не признаю. Контрреволюционной агитацией я никогда не занимался и показания свидетелей Черникова, Чумаевского и Миловидова считаю ложными, клеветническими. Может быть, и были какие разговоры, но не в такой форме, как показывают свидетели. Взаимоотношения со свидетелями у меня были нормальные, и я не могу понять, почему они на меня показывают ложь».

Опрошенные свидетели подтвердили прежние показания. Прокурор потребовал меру наказания определить до пяти лет заключения. Защитник попросил смягчить меру наказания. В последнем слове отец Никандр повторил, что показания всех свидетелей являются ложными, контрреволюционных высказываний с его стороны не было. В тот же день священнику был зачитан приговор: «лишение свободы сроком на пять лет с последующим поражением в избирательных правах на три года, с отбыванием наказания в исправительно-трудовых лагерях НКВД».

16 сентября 1939 года отцу Никандру сообщили в Каргопольской тюрьме, что приговор вступил в законную силу. На следующий день священник прибыл в Обозерский ОЛП* Архангельской области неподалеку от города Няндомы. Священник направил кассационную жалобу в Верховный суд, но тот оставил приговор в силе.

Священник Никандр Гривский скончался 2 октября 1940 года в Обозерском лагерном пункте Архангельской области и был погребен в неизвестной могиле.

Игумен Дамаскин (Орловский)

«Мученики, исповедники и подвижники благочестия

Русской Православной Церкви XX столетия.

Жизнеописания и материалы к ним. Книга 7»

Тверь. 2002. С. 142-149

* Отдельный лагерный пункт.